

Первые уроки

Автор:

Алена Москвитина

Первые уроки

Алена Москвитина

Жизнь только начинается для педагогов и медиков. Судьба забрасывает их в деревню, где они сталкиваются с первыми жизненными трудностями. Главным героям – филологу и молодому человеку, который скрывает свою профессию, предстоит столкнуться с еще большей проблемой – девушками.

Алена Москвитина

Первые уроки

Часть 1

Глава 1

Алексей Юрьевич нервно сглотнул и затравленно посмотрел на новое здание сельской школы. «Ну, зачем, зачем я стал учителем?!» – пульсировала в голове паническая мысль. Тут же пронеслись дикие воспоминания о практике в городской школе, причем в гимназии с отобранными учениками. М-да... Отобранными. Если их отбирали в колонии для несовершеннолетних садистов – маньяков... В первый же день он умудрился сесть за учительский стол, точнее

под него, так как стул был умышленно сломан. Никто не засмеялся.

Десятиклассники сидели с непроницаемыми лицами, как потом выяснилось – они просто учились управлять своими эмоциями, так как будущая профессия «начальника» это непременно требует. Последующее громоподобное ржание в туалете – не в счет. Алексей Юрьевич порвал штаны, ушиб копчик, но тоже не проронил ни слова. Пришлось, конечно, позаимствовать стул у учеников, предварительно тщательно его осмотрев. А в середине урока упала доска. Прямо-таки взяла и рухнула, когда он выводил на ней словарное слово «аккомпанемент». Еще чуть-чуть, и она бы его накрыла, но практикант, видимо, под действием адреналина, смог с ней справиться без каких-либо последствий для жизни. И снова все эти действия сопровождало гробовое молчание. Будто он попал в школу без учеников, ну, или слепоглухонемых. Пришлось отправиться к директору, которая встретила его равнодушным: «Вы кто – учитель, или нет?». Через неделю он уже был похож на параноика, который всегда сам открывает и закрывает класс, но, тем не менее, перед каждым уроком проверяет свой стул, стол, доску, пол и потолок. Да, и окно. Но были ведь еще и общественные места! Особенно туалет и столовая. Словом, когда пришла пора получать диплом, Алексей Юрьевич весь день боролся с искушением сжечь его. Родители разочарованно посмотрели на дрожащие руки сына и в его испуганные глаза. А они так хотели, чтобы он пошел по их стопам! Но, ему, все равно, некуда было деваться, и он пошел по ним, заметно хромя. «Езжай в деревню. Там дети поскромнее и учителя больше уважают», – посоветовала мудрая мать. Правда, с некоторым сомнением в голосе. А отец быстро скрылся в другой комнате, снова подозревая жену в измене. Ну не мог у него – сильного и властного человека, родиться такой размазня! Неудачник! Кретин! В соседней комнате что-то грохнуло. Мать и сын переглянулись. «Как ты говоришь, называется эта деревня?», – переспросил Алеша и отправился собирать вещи.

Глава 2

Алексей Юрьевич стоял и потел, глядя, как открываются двери школы, и оттуда высыпается толпа учеников. Для него это зрелище было подобно извержению вулкана. Он стоял, а на глазах наворачивались слезы. Новоиспеченный учитель отвернулся и посмотрел в сторону озера, величественно блестящего вдали. «Может, сразу утопиться?» – сверкнула в голове отчаянная мысль.

На нем был новенький, как говорится, с иголочки, костюм-тройка, и даже галстук. Алеша был далеко не уродом. Нет. Темные волосы, умные глаза, среднее телосложение. Правда, не очень высокий, но и не карлик. Только, как все говорили – не умел себя подать. Он спокойно общался с младшим обслуживающим персоналом – дворниками, кухарками, они даже любили его за отсутствие заносчивости и высокомерия. Там и в помине не было – Я УЧИТЕЛЬ – СЛУШАЙТЕ МЕНЯ. Но, что касается коллег и учеников, определенного насмешливого склада, то сопротивления с его стороны они не встречали абсолютно никакого. Что их, собственно, и раззадоривало. С чего все началось, и кто был в этом виноват, видимо, так и останется тайной, ибо ни он, ни его родители так и не смогли ответить на этот вопрос.

Алеша подходил к школе, все сильнее и сильнее сжимая дрожащими пальцами ручку портфеля. На его пути возникла лужа. В то же мгновение в поле зрения появился ученик на велосипеде. Учитель только и успел, что поднять портфель, через секунду он уже с ног до головы был в грязи. Всё. Теперь можно было просто развернуться и бежать, бежать без оглядки, прикрывая лицо, чтобы никому не удалось запомнить его. Но Алексей Юрьевич обреченно рассмеялся. Он подумал, что хуже уже ничего не может быть, и опустил портфель. И тут-то он понял, что сильно ошибся. Перед ним стояла высокая молодая женщина с пуленепробиваемым лицом. Он и не представлял, что в природе встречаются такие выражения лиц. Кто видит такое, то в последнюю очередь думает о красоте и молодости его обладательницы. Алеша мог бы смутиться, что предстал в таком ужасном виде перед симпатичной девушкой, но он испугался, как будто его, маленького мальчика, привели в кабинет к директрисе после убийства одноклассника.

– Вы... Вы директор? – с трудом произнес Алексей Юрьевич – все что угодно, только не молчать.

Неожиданно женщина метнула свирепый взгляд в сторону, и учитель, проследив за ним, увидел велосипедиста, который был, кажется, в еще большем ужасе, чем он.

Тот отпрыгнул от транспорта, будто доказывая этим, что он здесь не причем и нечленораздельно проговорил:

- Марьстаниславна, я не специально! Я не заметил! Я не...

- Куров, отвези велосипед Михаилу Константиновичу, а сам отправляйся в мой класс, - четко выговорила она.

Тот все еще умоляюще смотрел на нее.

- Немедленно!

Ученика как ветром сдуло. Застывшие маленькие и не очень зрители продолжали смотреть на Алешу и «Марьстаниславну», до тех пор, пока женщина не обратила их внимания на звонок.

- Вы к директору? - наконец, спросила она нашего героя, продолжая бесстрастно его рассматривать.

- А... Наверное... - он внутренне сжался. - Я новый учитель.

На секунду в ее глазах мелькнуло недоумение, которое затем сменилось непониманием:

- Простите, что?

Алеша совсем опустил портфель и попытался счистить брызги с ворота пиджака. Сейчас, меньше всего он хотел наблюдать за ее реакцией.

- Новый учитель. Филолог. Алексей Юрьевич, - пробубнил он, продолжая сосредоточенно размазывать грязь.

- На вашем месте, я бы сейчас не стала это трогать, - произнесла она тоном очень недовольной начальницы.

Он покорно опустил руки.

- Подождите, когда все засохнет, а потом почистите щеткой. Я могу одолжить, - продолжила она все тем же тоном.

- Да, конечно, - ответил Алеша, словно бы ему отдали приказ, но потом, сообразив, что это был акт помощи, смущенно добавил, - спасибо.

- Еще не за что. Идемте за мной.

Глава 3

«О, Боже мой! Мне конец», - думал он, глядя на полную достоинства спину своей провожатой.

– Директора сейчас нет. Впрочем, ее уже давно нет. На длительном больничном. Так что фактически за нее завуч Антон Валерьевич.

Дети, носившиеся по коридорам, при виде «Марьстаниславны» тут же замедляли скорость, как опытные водители перед постом ДПС.

– А я подумал, что вы тут главная, – вырвалось у Алеши.

– Нет, я просто учитель физики.

– А...

Она заглянула в учительскую. За столами, составленными вместе, разместились три женщины. Одна пожилая и две – достаточно молодых. Но за тридцать.

– У вас сейчас урок, Мария Станиславовна? – осведомилась самая старшая.

– Нет, окно.

Преподаватель физики вынырнула из учительской и закрыла дверь.

– Идемте за мной. Вас где поселили? – спросила она, не глядя на него.

– Я пока не знаю.

– А где ваши вещи?

– В административном здании, – нашелся он, так как не очень представлял себе, как называется главный управленческий орган деревни.

Мария Станиславовна еще раз внимательно посмотрела на него, словно что-то обдумывая, и проговорила:

– Вторая половина дома, где я живу – пустует. Так что не будем обременять «администрацию» и директора утомительными вопросами жилья.

«О, Боже! Только не это!» – внутренне запаниковал Алеша.

– Кстати, у нас беда с литераторами, – вдруг неожиданно улыбнулась учитель физики. Алексей Юрьевич даже вздрогнул. Улыбка оказалась очень приятная, но через секунду выражение снова вернулось к жестко-задумчивому.

«Похоже, что ваша «беда» продолжается», – грустно хмыкнул он про себя.

– Антон Валерьевич уволил одну пожилую учительницу, после того как посидел на ее уроках. И целый год ее не кем было заменить. Иногда он сам этим занимается...

Затем последовала шепотная речь «себе под нос», и Алеше почудилось, что-то вроде: «Для развлечения». Он лишь вздохнул, представив его у себя на уроках. Когда приходила проверка, Алексей Юрьевич начинал заикаться и путаться. Так что практику ему зачили чисто формально.

– Я не люблю ваш предмет, – откровенно призналась его новая знакомая, когда они пересекали улицу

– Физики и лирики... – машинально отреагировал Алеша.

– Наверное.

Глава 4

Антон Валерьевич – высокий и, как говорят – видный мужчина, насмешливо смотрел на Алексея Юрьевича, который по-привычке конфузливо сутулил плечи и избегал взгляда собеседника. Хотя, видным можно назвать любого человека высокого роста и с широкой спиной. Но завуч иногда любил прикидываться рубахой-парнем, дабы вывести незнакомца на чистую воду.

– Ваше расписание уже готово, – протянул он ему листок, делая ударение на слове «Ваше». Можете приступать прямо сейчас. Восьмой класс в данный момент гоняет мяч по полю. Берите его, а то мы ржали над их последним сочинением всем коллективом. Про купца Калашникова. Очень доставляющее. «И ударил он его в грудь, прямо в левый глаз...»

Антон Валерьевич очень четко выговаривал слова, будто в детстве страдал дефектом речи, но путем упорных тренировок смог с этим справиться. Из-за неуверенности в себе, Алеша иногда очень невнимательно слушал собеседников, но инстинктивно всегда обращал внимание на их интонацию и особенность поведения. Видимо, эта способность выработалась у него как защитная реакция с помощью которой получалось прогнозировать поведение людей, дабы при появлении опасности вовремя устраниваться. Но самая большая проблема заключалась в том, что устраниваться он не умел, и начинал страдать еще до того, как случалась катастрофа. Вот и в данный момент он прекрасно

сознавал, что натерпится от завуча в будущем и насмешек и унижения. Алексей бросил на него последний грустный взгляд, отметив еще и некрасивый выпирающий подбородок, над которым с легким намеком на гримаску отвращения расположились пухлые губы. «Он крайне неприятен, хотя, возможно и умеет нравиться женщинам. Они любят садистов», – сделал последний вывод новый учитель и вышел в поисках своих будущих убийц.

Глава 5

– Эй! – позвал Алексей Юрьевич, пытаюсь привлечь к себе внимание восьмиклассников. Но с тем же успехом он мог обратиться и к звездам. Хотя, последние намного безопаснее. Футбольный мяч со всей силой ударил его в живот. Алеша непроизвольно согнулся и, собрав всю свою волю, постарался не упасть.

– Эй, дядь, пасуй нам!

– Я тебе сейчас так пасну! – раздался за его спиной незнакомый женский голос с ироничной, но доброй интонацией. Несмотря на весь гнев, который она вложила в эту фразу. Такие интонации используют родители непоседливых детей, которых надо воспитывать, несмотря на то, что их проказы больше смешат, нежели злят. Оглушительный свист заставил нового учителя повернуться в ее сторону. Очень приятное лицо, светло-каштановые волосы, убранные в хвост и спортивный костюм – вот что сразу обратило на себя внимание. Ну, и конечно, свисток во рту. Она подобрала мяч, отправила обормотов в раздевалку, и помогла Алеше окончательно разогнуться.

– Вы не очень пострадали? – сочувствующе поинтересовалась она.

– Нет, – ответил он тоном человека, который очень хочет в туалет, но боится в этом признаться.

– Идемте, я покажу вам ваш новый класс. Вы ведь теперь у нас будете русский и литературу преподавать?

– Да. А вы физкультуру? – все тем же голосом поинтересовался наш герой.

– Да, и еще начальные классы, и еще я школьная медсестра. Так что, могу предложить вам обезболивающее.

– Нет, спасибо.

Вот, наконец-то первый человек, с которым ему будет проще всего. От некоторых людей просто веет доброжелательностью. Хочешь – не хочешь, а начинаешь верить в энергетические поля. Светлые – дарящие энергию и темные, высасывающие из тебя последние силы. Вот здесь была – светлая.

Глава 6

И вот он стоит перед классом и старается придать своему лицу нормальное выражение. Над доской тикают старомодные часы, которые притягивают тоскливые взоры учеников. Подобные взгляды часто можно видеть в начале урока, но по мере приближения перемены, они начинают меняться в сторону маниакального ожидания свободы. 10...9...8...

Тик-так... Портфели в руках, ноги в режиме старта.7...6...5... Учитель тревожно переводит свой взгляд на соответствующее место и начинает, подобно шлагбауму освобождать путь. Такие часы висят только в классе русского и литературы. Сердобольная Марья Ильинична (вышеупомянутая пожилая

учительница) сама напросилась. Алеша еще раз озадаченно посмотрел на место над доской и поклялся выкинуть их после урока в окно.

– М-мне сказали, что вы изучали Лермонтова, – неуверенно начал он.

Пятнадцать равнодушных лиц воззрились на него.

Алеша взял свой стул и немного потряс его в воздухе. К великому облегчению – он не развалился.

– У вас в классе есть отличники?

Все сосредоточенно нахмурились, видимо, что-то вспоминая.

– Кротов у нас Эйнштейн, – пробасил лысый мальчик с последней парты.

Все засмеялись, а его сосед – увалень с глуповатым лицом чуть-чуть толкнул своего обличителя, отчего тот проехал по скамье и плавно приземлился на пол.

Класс заржал в два раза громче. Кто-то пискнул:

– Скорее Кинг-Конг.

– М-мне сейчас нужен кто-нибудь вроде Пушкина, – робко произнес Алеша, и прошел к последней парте, намереваясь помочь ученику подняться. Но тот его опередил, при этом, в свою очередь, со всей силы пихнув «Кинг-Конга». Тот лишь чуть-чуть качнулся.

– Еще раз так сделаешь... – угрожающе прорычал упавший. Но огромный сосед продолжал флегматично смотреть на часы.

– Как тебя зовут? – тихо осведомился Алеша у лысого.

– Коромыслов.

– Ну, почти Пушкин, – хмыкнула девочка, сидящая перед ним, за что тут же получила укол ручкой между лопаток.

С воплем: «Урод!» она развернулась и шарахнула его книгой по голове.

Алексей Юрьевич стоял с таким видом, будто бы удар пришелся на его теменные кости. Ну не знал он, что надо делать в подобных ситуациях. Максимум, на который он был способен – это чуть покашлять, чтобы привлечь к себе внимание. Но подобный жест был равносителен предыдущему «эй» на спортплощадке.

– Коромыслов, – произнес он как можно более внушительнее, – Подойди, пожалуйста, к доске и напиши мои – имя, отчество и фамилию.

– А я не знаю, как вас зовут, – огрызнулся тот и сложил руки на груди.

– Поднимайся. Я сейчас тебе продиктую.

Доска, к сожалению, не рухнула, когда на ней появились слова «Аликсей Юревич Ссасов». Алеша раньше и не подозревал, что в его простой фамилии Стасов возможно сделать хотя бы одну ошибку. Но, на всякий случай учитель попытался вспомнить – не заикался ли он, когда диктовал свое имя. Класс спокойно взирал на это безобразие.

– Может быть, кто-нибудь исправит? – на всякий случай спросил он.

Класс сосредоточенно думал. В этот момент к ним заглянула... «О, Боже! Только не это!»... Мария Станиславовна.

Все выпрямились в струнку и аккуратно сложили руки на партах, как того требует школьная дисциплина. Алёша еле справился с сильным желанием последовать их примеру. Она окинула взглядом аудиторию, потом доску.

– А я думала, что у вас фамилия – Стасов, – прокомментировала учительница с непроницаемым лицом.

– Я тоже, – вздохнул Алексей Юрьевич, – сейчас исправлю.

И тут к великому ужасу нашего героя в животе у него тоскливо заурчало. Он вспомнил, что не позавтракал дома перед отъездом, так как от переживаний в него ничего не влезло. В классе раздались сдержанные смешки, которые тут же смолкли под взглядом «Марьстаниславны», как жужжание мух под воздействием мухобойки.

– Можно вас на минутку? – обратилась она к нему, а затем к ученикам, – Если услышу хотя бы звук, то дополнительным уроком сегодня будет физика.

На ватных ногах Алеша вышел в коридор.

– Зря вы сами не написали имя на доске, – усмехнулся она, когда закрылась дверь.

Он согласно кивнул, заранее прикусив язык, чтобы не рассказать о плачевных результатах таких мероприятий.

– Вам, кстати, совсем не обязательно вести урок в первый же день приезда.

– Но, Антон Валерьевич...

– Не обязательно выполнять все, что скажет Антон Валерьевич. А вот и он, собственно.

С ехидным выражением на лице к ним приближался завуч. Он впился глазами в Алешу, затем как-то странно посмотрел на Марию Станиславовну.

– У вас какие-то проблемы? – осведомился он.

– Да. С жильем. Алексею Юрьевичу вначале надо вселиться.

– И вы занимаетесь этим вопросом? – с усмешкой спросил завуч.

– В некотором роде.

– Странно.

Учитель физики проигнорировала его комментарий и тут же перешла в наступление.

– Вы, кажется, сейчас не заняты.

– Я – исполняющий директора, поэтому всегда занят.

– Тогда не сочтите за труд отпустить учеников, а мы пока решим срочные дела.

Алеша с интересом наблюдал, как лицо Антона Валерьевича становилось спокойным и равнодушным. Но при внимательном рассмотрении было видно, что это давалось ему с большим трудом.

– Учитывая вашу занятость, я решила взять это на себя.

– Вот как? Спасибо. Вы не могли бы потом зайти ко мне? Когда освободитесь.

– Да, конечно, – равнодушно бросила она, – и без предупреждения отправилась прочь.

Алеша в замешательстве замер. Завуч удивленно посмотрел на него.

– В чем дело?

Тут издалека слышалось:

– Вы идете?

– У... У меня портфель в классе остался.

– Ну, так возьмите его! – с легким раздражением отозвался Антон Валерьевич и первым открыл дверь.

Глава 7

Наконец-то закончился первый кошмарный день. Алеша лежал на жесткой узкой кровати и смотрел на бревенчатый потолок. В этой части дома действительно давно не жили, используя помещение для склада различной школьной рухляди. Когда они в первый раз вошли сюда, Мария Станиславовна окинула взглядом остатки парт, стульев и чего-то еще, и без тени брезгливости, смахнув рукой паутину со сломанного глобуса, разрешила все это использовать в качестве дров.

– А вдруг вещи кому-нибудь понадобятся? – робко поинтересовался он.

– Зачем?

Если бы учительница физики умела пугаться, то этот вопрос прозвучал бы с подобающей интонацией. Но получилось недоумение с непонятным оттенком.

Алеша не нашелся что ответить, и принялся угрюмо разбирать чемодан.

Это было несколько часов назад. Поужинав в школьной столовой и ознакомившись с расписанием на завтра, Алексей Юрьевич принялся писать план занятия. На случай, если его спросит завуч. Родители смотрели на это с разных сторон баррикад. Педантичный отец, яростно преданный своей специальности, всегда исполнял то, что надо. То есть, прилежно составлял план к каждому занятию несколько десятков лет подряд. Он совершенно не понимал сына, который при всей своей боязливости и робости всегда старался нарушать правила. «Это что, какой-то протест? Или врожденная глупость? Верочка, в моей генетике этого нет!» – неизменно повторял тот.

Алеша неровным подчерком все списал из родительских архивов, предусмотрительно взятых с собою. Он знал, что завтра он и не взглянет туда, а примется болтать с учениками о литературе. Именно болтать. Ну не понимал он, зачем к одной и той же теме надо постоянно готовиться. Они не знают ничего – Алеша знает многое. Вот он и поделится с ними. Зачем это: «Здравствуйте, сегодняшняя тема занятия...». И погнажи. И чем быстрее, тем лучше. Для кого? Значит, многое успеют. Что успеют? Дай Бог, его будут слушать первые пять минут. Хотя бы пять человек. Да, с математикой и физикой действительно проще. Вот, если бы он не был таким тупым в этой области, то все сложилось гораздо проще. Хотя... Он поежился, представив, что его стул юные физики подключают к розетке. Нет, путь уж лучше «Война и мир»....

Глава 8

Но следующий день оказался прямо катастрофой! Уж лучше бы ему переломали всю мебель и обрушили на голову потолок, чем испытать то, что он испытал. Алексей Юрьевич влюбился. В математичку. Случилось это в учительской, когда они поспорили из-за журнала. Но вначале он увидел ее... И, насколько это возможно в его ситуации, оробел. Да, красота – это страшная сила. Дело в том, что у нее был День рождения, со всеми подходящими приготовлениями – прическа, макияж, каблуки.

Когда Алеша пришел в себя, то сообщил, что этот журнал (что она держала в руках) нужен ему на уроке.

– А, вы наш новый литератор!

И, не то она решила его проверить, не то блеснуть знаниями, так как разбиралась далеко не только в математике... В общем, за несколько минут Алексей Юрьевич понял, что литературу он знает плохо. Гораздо хуже математички. А еще, что до этого момента – он и не жил вовсе. В результате, его первый урок прошел как в тумане. Что-то он спрашивал, что-то рассказывал, но мысли его были далеко за пределами класса. Когда наступила долгожданная перемена, и Алексей Юрьевич, напевая и чуть подпрыгивая, добрался до учительской, он узнал то, что нанесло ему такую травму, какую не нанес бы и бешеный поезд. Он узнал, что Оксана Викторовна замужем. Но это еще не самое печальное. Ее мужем был, ни кто иной, как их завуч – Антон Валерьевич. В этот момент напротив Алеши сидела практически всегда веселая Екатерина Борисовна. Правда, без свистка. В учительской он был несколько неуместен. Увидев, как их новый литератор почему-то побледнел и чуть заметно закачался (что было доступно только опытному глазу настоящей медсестры), она перегнулась через стол и тихо сказала ему, что надо дойти до медпункта и измерить давление.

Уже выйдя в коридор, убрав, тем самым, с глаз неожиданную супружескую пару, Алексей Юрьевич почувствовал себя несколько лучше.

- Ты сегодня завтракал? – совершенно свободно перешла на «ты» медсестра.

- У вас, у всех, наверное, уже свои дети есть, – невпопад проговорил Алеша.

- Нет, не у всех, – как будто они давно вели непринужденную беседу, отозвалась Катерина, – у меня есть, у Веры Антоновны. У нее уже даже внуки.

Давление оказалось немного повышенным. Они посидели, попили чай. Давление нормализовалось. Разговор ушел в совершенно другое русло и закончился предложением Кати подарить Алеше кошку или собаку.

- Приходи к нам сегодня на ужин, я тебя с мужем и сыном познакомлю, – пригласила она его на прощание.

Последний урок в этот день, протекал из рук вон плохо. Вместо Пушкина, Алексей Юрьевич начал рассказывать о несчастной личной жизни Тургенева. Класс все равно ничего не понял. Заметив, что учитель отсутствующим взглядом смотрит в окно и что-то там говорит, все принялись решать свои насущные проблемы. По аудитории летали записки, бумажные самолетики и шарики из бумаги. К концу урока весь пол был усеян следами перестрелок...

Часть 2

Глава 1

А в голове продолжали твориться совершенно непонятные вещи. Алексей Юрьевич начал уподобляться любопытному подростку или заскучавшей домохозяйке. Как-то раз, приняв двойную порцию чая на ночь, учитель принялся с азартом шарить по своим книжным полкам в поисках преступной литературы. Остановился на Стендале. Хорошо, что именно на нем. Роман «Красное и черное» его сразу отрезвил. «Господи, ну и пошлость!», – отбросил он книгу на непозволительно интересном месте (если вы, конечно, являетесь поклонником именно такого воспевания любви).

Шел третий час ночи. В сенях громко тикали часы с отломанной кукушкой. Будучи совершенно безобидным для мышей и прочих разносчиков инфекции, он сразу свернул ей шею, после того, как ее вопли разбудили его в воскресенье.

Чай добросовестно выполнял все свои функции, и уснуть в таких условиях было совершенно невозможно. Пришлось дочитывать Стендаля. Роман вызывал бурю протеста. «Ну и люди! Господи, да к любви это не имеет никакого отношения! Политика, интриги, игры... Тьфу!». Это претило всему его существу. «Да пусть меня сто раз обзовут простаком и вытрут ноги, но я никогда не уподоблюсь этой мерзости!», – поклялся он на книге, вызвавшей столько негодования, которую потом брезгливо отбросил, и, пошарив по полкам, поклялся в том же самом на Библии.

В окне забрезжил рассвет. Под утро учитель, наконец, дочитал книгу. Алеша смутно подозревал, что героям стоит сочувствовать, но даже намек на это не было. Когда-то, в институте, они вспоминали «Красное и черное» как роман достойный внимания подростка. Что основан он был на реальных событиях. Но сейчас, будучи всецело наедине с этой подлинной преступной историей, учитель никак не мог взять в толк, чем же он так этого ДОСТОИН.

За окном заорал петух. Соседские птички именно орали, а не профессионально кричали: «Ку-ка-ре-ку!», как подобает их статусу. Ох, с каким же удовольствием Алексей Юрьевич расправился бы с ними, как с вышеупомянутой кукушкой! Кажется, что его соседка через стенку была такого же мнения. Он услышал, как со звоном распахнулось окно, и раздался не менее звучный учительский глас:

– Да заткнитесь вы!

Может, это было совпадением, а может, общеизвестным сверхъестественным влиянием Марии Станиславовны на окружающих (даже на нечеловеческий мир), но на улице воцарилась тишина. Алеша с благодарностью вздохнул и тут же отключился.

Глава 2

А разбудил его настойчивый стук в окно. В этот момент ему снилось нападение дятла, который перепутал его голову с деревом. Он замахал руками, стараясь отогнать обнаглевшую птицу, но ничего не изменилось – клюв, несмотря ни на что, долбил ему левый висок. Наконец, Алеша проснулся и убедился, что дятла нет, но есть Екатерина Борисовна, которая барабанит в стекло, и головная боль. Вскоре учитель физкультуры и школьная медсестра, по совместительству, узрела в окне «обкуренного панка». В первые минуты вставания Алексей Юрьевич был не в состоянии причесаться и разлепить до конца глаза. «Что случилось?» – прочитала Катерина по губам филолога, смахивающего на панка, по ошибке подключившего себя к розетке, вместо гитары. Жестом она подсказала ему открыть окно. Одноглазый наркоман повиновался. Еще секунда, и к учителю окончательно вернулось полноценное зрение. Видя, что Екатерина Борисовна кусает губы, чтобы не помереть со смеху, он метнулся к зеркалу. Вскоре панк переквалифицировался в смирного учителя литературы.

– Внеплановая проверка, Алеш. Антон Валерьевич отправился на твой урок, а Коромыслов, решив, что это ты заходишь, запустил ему самолетиком в глаз.

– Бедный Коромыслов, – искренне посочувствовал Алексей, борясь одновременно с ужасом из-за неудачного прогула и смехом из-за самолетика.

– Я ему на физкультуре даже «пять» поставила по метанию в цель. Это же надо, бумажный самолетик, на который действует куча препятствий, да так точно попал...

Они уже сидели в учительской и смеялись. Алеша решил, что поздно идти на урок. Вскоре к ним присоединилась Мария Станиславовна. Невозмутимая как всегда, она объявила, что оставила учеников наедине с самостоятельной, заметив, что учебники им не помогут. Учитель физики сидела напротив нашей парочки и источала интригу.

– Неужели что-нибудь по астрофизике? – округлил глаза Алексей.

Мария Станиславовна неопределенно подняла брови. Екатерина Борисовна усмехнулась и что-то смахнула с плеча Алеши. Он краем глаза зацепил и ее веселость, и сосредоточенную внимательность. Учителю отчего-то стало так хорошо на душе, что он пожелал, чтобы весь его пиджак сиюминутно покрылся пылью.

– Я подумаю об этом, – не то в шутку, не то всерьез, наконец, отозвалась «Марьстаниславовна».

Катерина заговорщически, плечом в плечо, легко толкнула Алешу. Он внутренне задохнулся и решил тут же предложить еще одну версию загадочной самостоятельной. Но творческий потенциал отчего-то изменил ему. Она еще раз (как будто бы поняв его желание) повторила маневр, чем почти разъединила учителя с реальностью. Затем, медсестра встала и дотянулась до журнала, который в куче с другими бумагами лежал на столе, но прежде чем сесть, заговорщически подмигнула Алексею и, заменив «ножной» жест (наступать на ногу, чтобы привлечь внимание) на «ручной» (сказать – накрыла его руку своей – было бы совершенно неверно и неуместно романтично), благополучно приземлилась на стул. Она то, наверное, посмеивалась над физичкой, но Алеше не удалось принять участие в этой игре по своим сугубо трагичным причинам.

Мария Станиславовна задумчиво покинула учительскую с бормотанием: «Астрофизика, говорите...».

– Я пойду, попробую исправить положение, – следом вскочил Алексей Юрьевич, боясь оставаться наедине с Катериной. В первый раз в жизни он чувствовал, что разум начал изменять ему и боялся что-нибудь натворить в таком состоянии. И не зря.

В коридоре он тут же наткнулся на Антона Валерьевича.

– Я лишил вас премии за прогул, – тут же сообщил тот.

– С вашими премиями, в 200 рублей, только в туалет ходить, – огрызнулся Алеша и, не глядя на завуча, ускорил шаг, молясь про себя, чтобы тот заткнулся, иначе в первый раз в жизни он был на грани того, чтобы ударить.

Глава 3

Алексей Юрьевич приложил ухо к двери своего класса. Гул стоял как в аэропорту. А потом, кажется, пронеслись три мессершмитта и сбросили бомбы на невинные города. Судя по звукам, от парт и доски уже ничего не осталось, приходилось только догадываться, чем еще они могли так гроыхать. Набрав в легкие максимум воздуха, Алеша ворвался в класс. Какая-то бумажка плавно приземлилась ему на голову. Дети застыли, как на панораме Севастопольского сражения, но опознав своего литератора, с облегчением вздохнули.

Вскоре все постепенно улеглось. Урок принял классический вид – учитель сам по себе, ученики – сами по себе. Наконец, Алексей не выдержал и попытался наладить контакт.

- Кто-нибудь из вас пробовал писать стихи?

На него настороженно уставилось двадцать пар глаз.

- Кто-нибудь из вас знает хотя бы одно стихотворение?

- Боюсь то, что мы знаем, вам не понравится, - проворчал Коромыслов с задней парты.

Класс сдержанно захихикал. Алексей Юрьевич насторожился - на уроке еще матерных частушек не хватало.

- А может быть, вы умеете, только пока об этом не знаете? Даю вам двадцать оставшихся минут для того, чтобы вы написали что-нибудь в рифму.

- Эх ты! - развеселился вдруг Коромыслов, - только если вы с нами!

- Идет, но я читаю последним.

Оставшееся время сопровождалось шмыганьем носов, скрипом стульев и попытками коллективного творчества.

Алексей Юрьевич уткнулся в свой листок. Как странно, он дожил до двадцати трех лет, но писать стихи, кажется, разучился. Учитель закрыл глаза, стараясь

не отвлекаться на посторонние шорохи, и представил себе то, что больше всего хотел:

Не могу иметь я то, что хочется,

Счастья я не вижу своего...

Как слепой не видит дня и ночи,

Как глухой не слышит ничего.

Вроде руки есть – бери что надо,

Даже голова пока цела,

Только сердце ничему не радо,

Раз Мечта другому отдана.

– Весьма двусмысленная концовка, – спокойно прокомментировал знакомый голос Марии Станиславовны, а ее палец остановился на слове «Мечта», – разве она пишется с большой буквы?

Да, у Алеши было такое дурацкое свойство – умение отрешиться от внешнего мира.

– Никогда так больше не делайте, – хрипло проговорил он и покосился на пустые парты.

Учитель прошлась по аудитории:

– Кажется, ваше задание выполнил только один человек.

– Я, что ли? – кисло усмехнулся Алеша.

– Нет, Коромыслов. Могу зачитать:

Если ноги оторвать,

Можно на руках скакать.

– Кажется, ему помогал весь класс, – удовлетворенно прокомментировал литератор.

– Значит, вы делаете успехи.

«И чего она ко мне привязалась? Ей детей, что ли, не хватает?», – с тоской подумал Алеша и внезапно внутренне сжался, заметив на себе ее пристальный взгляд. Возникло ощущение, что она умеет читать мысли. Мария Станиславовна немного нервно вздохнула и жестко проговорила:

– Если вы будете продолжать в том же духе, то у завуча будут все основания от вас избавиться.

– А вам не все равно?

– Как ни странно, нет. Мне надоело его самоуправство. Вы не плохой учитель, только характера вам не хватает.

У Алексея Юрьевича непроизвольно открылся рот. Это он-то неплохой учитель?! Чем же ей так досадил Антон Валерьевич, если она согласна использовать такого неудачника, как он, в качестве оборонительного или осадного оружия? Не совсем деликатное и слишком прямое: «Чем я могу вам помочь?», учитель заменил на:

– Мария Станиславовна, вы ведь очень сильная личность! Так неужели, такая тля с книжкой, как я, может вам чем-нибудь помочь?!

Девушка поморщилась от неприятно низкой самооценки и постаралась построить в голове более или менее тактичное предложение:

– К сожалению, «такая сильная личность, как я», не может преподавать детям русский и литературу.

– К тому же сюда ни один нормальный учитель не придет, – весело закончил за нее Алеша, – а вы то сами, что здесь делаете?

При всем своем робком характере, наш герой имел особенность почувствовать нужный момент. Его мозг и сердце хранили неожиданные тайны совершенно неподходящих, на первый взгляд, для него людей. Он просто умел слушать, держать язык за зубами и вызывать доверие.

Мария Станиславовна села и несколько обеспокоенно посмотрела на него.

– Алексей Юрьевич, Антон Валерьевич совершенно уверен, что все люди по своей природе низкие. Он мало того, что постоянно источает эту идею, так еще многие ученики с радостью это подхватывают. Оксана Викторовна, конечно, женщина умная и разделяет не все его взгляды, но она, тем не менее – его жена и это о многом говорит. Он с завидным постоянством фиксирует внимание окружающих именно на человеческих недостатках, как будто это основное. Вы меня понимаете?...

Алеша ошарашено кивнул. Он и думать забыл, что она проигнорировала его личный вопрос. Учитель продолжила:

– Я не могу на уроках физики заставить их мечтать. Не могу указать на то, что их цинизм и эмоциональная закрытость, развитые не по годам, в дальнейшем смогут с легкостью испортить жизнь окружающим. Я не могу, а вы можете.

– Вы... Вы уверены?

На лице Марии Станиславовны появилось выражение сдержанного раздражения, она встала, и, покидая класс, бросила:

- Еще раз спросите, что-нибудь похожее, услышите в ответ: «Нет».

Глава 4

Все начало проясняться уже через несколько минут после окончания этого злосчастного урока. На крыльце Алешу неожиданно нагнал Антон Валерьевич и попросил его на пару слов.

- Как насчет пива?

Литератор несколько секунд, не мигая, смотрел на него:

- Боюсь, что у меня нет лишних 200 рублей на развлечения.

- Тогда пройдемся.

«Только бы не въехать ему по морде! Тем более что он выше меня в два раза», - мечтал Алексей Юрьевич.

- Я смотрю, вы с Марией Станиславовной подружились...

«Придется подпрыгивать. Хотя, если въехать по горлу, то тоже ничего», - продолжались грезы.

– Она хорошо умеет держать дисциплину. Видимо, наворовавшийся папочка научил ее этому...

«Можно ударить по колену...»

– Большой был человек! Держал весь город в страхе...

«Если использовать эффект неожиданности, то можно столкнуть в воду, вон, как раз и речка. Жалко, что мелковата...»

– Имел два завода. Говорят, что когда его посадили, нашли не все деньги...

«С другой стороны, придется писать заявление, а это пока в мои планы не входит»

– Она пытается завербовать вас? Это чревато. Помните крестного отца?

– Откуда вам все это известно? – как можно веселее поинтересовался Алеша.

– Она когда-то дружила с моей женой.

Литератор резко остановился, будто наткнулся на невидимую стену. Он даже почувствовал как недавняя сильная «любовь» к математичке выходит из его ушей в виде дымка.

– А что, сплетни – это неотъемлемый атрибут учительского коллектива?

Антон Валерьевич взглянул на него как на таракана и молча возвратился в школу.

«Может, все-таки найти деньги на пиво? А лучше на водку. Хотя, самогон будет подешевле», – начал прикидывать в уме Алеша. Он вспомнил страшную историю про свою однокурсницу – отличницу, которая на радостях, что сдала очередную сессию на высшую стипендию, решила впервые в жизни выпить. Все закончилось тем, что она ослепла и оглохла. У него тоже появился такой соблазн.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

Екатерина Борисовне, как единственному школьному медику надоела бесконечная грязь в классах и коридорах. Конечно, Макаренко был гением, когда предложил использовать детский труд в воспитательных целях, однако он не учел сельскую школу в деревне Верхние Ямки. Эта бесконечная война с антисанитарией давалась неунывающей Кате с большим трудом. В итоге, было не грязно только в медкабинете. Спортивный же зал держать в чистоте – это все равно, что подметать песчаную пустыню.

Дети умудрялись протереть одной тряпкой доску, точнее измазать ее мелом, затем этой же тряпкой нарисовать белые линии на полу, а потом уже на партах. Именно в такой последовательности. В итоге, на меловые парты с невидимыми и прожорливыми палочками и кокками ученики клали яблоки с конфетами, которые потом отправляли в рот. Катя замучилась объяснять начальству, что

инфекционист в деревне необходим так же как и в Африке, что она не врач – не врач – НЕ ВРАЧ и умеет только делать уколы по назначению. Но с таким же успехом можно было попросить местную власть построить в Верхних Ямках золотой дворец.

Учитель физкультуры бросила клич по деревни, пытаясь найти уборщицу. Так как оклад технички был три тысячи, никто ее не услышал. Лишь через месяц бесполезных поисков, Катя случайно наткнулась на глухонемую бабу Веру. Правда, она не совсем была немой. Абсолютно глухая, новоиспеченная уборщица издавала громкие нечеловеческие звуки, что в последствие можно было использовать для достижения корыстных целей. Например, отправить ее мыть пол в рекреации около кабинета директора, когда там заседает какое-нибудь начальство, чтобы хорошенько его напугать и настроить на нужный лад. А вдруг так и улучшат финансирование. Но пока она пугала лишь учителей и смешила учеников. Алексей Юрьевич выбегал несколько раз посреди урока, услышав душераздирающие крики, думая, что в школу нагрянул сам Фредди Крюгер, но оказывалось, что это баба Вера выясняла отношения с тряпкой, ну, или с учеником, который не сменил обувь и испачкал только что вымытые полы. Антон Валерьевич попытался было сделать выговор Кате за столь неудачную находку уборщицы, но наткнулся на чисто медицинское негодование, с которым лучше не спорить, если, конечно, ты сам не в состоянии заменить вышеупомянутую техничку. Одна лишь Мария Станиславовна оставалась невозмутимой и полностью игнорировала нечеловеческие вопли. Кстати, она и Катя были единственными людьми, которые могли установить продуктивный контакт с бабой Верой. Другие просто не выносили дикие крики с близкого расстояния или у них не получалось придумать нужные жесты для общения. Екатерина Борисовна могла установить контакт с кем угодно – с глухим, слепым, иностранцем и инопланетянином, если понадобится, так как в свое время работала в отделении с insultными больными. Мария Станиславовна же реализовывала общение посредством взглядов и факта своего присутствия. Если она просто шла по коридору, баба Вера в срочном порядке уходила мыть в другое место. Но стоило Марии Станиславовне появиться там, где в данный момент трудилась уборщица и одарить ее длительным взглядом, как та тут же понимала, что следующее, что она будет мыть – это кабинет физики. В чем заключался секрет влияния данной особы на весь живой мир, включая местную мышь из кабинета биологии, которая при появлении учителя физики старалась не шуршать в своем аквариуме, наверное, нам, простым смертным, не умеющим понимать тонкие материи Вселенной, так и не удастся узнать.

Глава 2

Теперь день в школе начинался веселее. Баба Вера со шваброй, словно стражник с копьем, устраивала каждое утро фэйс – контроль. Точнее – фут-контроль. Попробуй только не покажи ей чистую вторую обувь при входе! И никакие тебе – разорвались, промокли, съела собака или пометила кошка здесь не проходили. Не будешь же ты изображать перед ней за несколько минут до начала урока обувную драму с участием животных, притом, что сзади напирает толпа опаздывающих. И не факт, что баба Вера поймет, что ты имеешь в виду. Обычно, не увидев вышеупомянутый пропускной атрибут, она начинала бешено жестикулировать с соответствующим вокальным сопровождением, направляя несчастного взмахами рук (а иногда и швабры) в сторону выхода.

Одним прекрасным утром, вышеупомянутая техничка, которую Алексей про себя называл Техногенной катастрофой, увидела в окне странную картину – как кто-то из проезжающей машины выкидывает мешок с мусором, причем не из багажника, а с переднего сидения, и прямо в главную лужу на территории школы. А баба Вера только что навела порядок – выудила из луж банки, фантики и тетрадные листки. От такой неслыханной дерзости, она на секунду онемела, но потом издала самый душераздирающий из коллекции своих криков. Алексей Юрьевич в этот момент выходил из учительской, дожевывая бутерброд, но от неожиданности споткнулся и подавился. Математичка Оксана Викторовна бросилась ему на помощь и принялась стучать по спине. Из учительской также показалась невозмутимая Мария Станиславовна. Не произнося ни слова, она отправилась выяснять причину крика. Филолог с математичкой переглянулись и последовали за ней, причем Алеша продолжал кашлять.

Картина, которая предстала перед глазами троицы учителей, была гораздо более необычная, чем та, что увидела уборщица. Теперь баба Вера была главным действующим лицом. Она шваброй дралась с мешком мусора, который валялся в луже. Мешок, судя по всему, ей сопротивлялся и тоже издавал какие-то звуки. Мария Станиславовна ускорила шаг и встала перед бабой Верой с таким выражением лица, что та сразу почувствовала на себе ее взгляд, что-то промычала, пожала плечами и быстро удалилась. В этот момент Оксана Викторовна озвучила то, о чем Алеша только что подумал.

– Кажется, это какой-то алкаш.

Они подошли ближе. В луже действительно валялся человек. Точнее, судя по всему, это был человек. Он напоминал оживший комок грязи. Лица было практически не разобрать. Мария Станиславовна наклонилась и попыталась поднять его за ворот куртки. Точнее, ворот какой-то бывшей одежды. Алеша поспешил ей на помощь и схватил его за то, что напоминало руку.

– Вы что делаете? – удивилась математичка.

В этот момент к ним подошел Антон Валерьевич.

– Сходи, участкового вызови, – обратился он к жене.

Она, было, направилась, но Мария Станиславовна ее остановила:

– Мы сами разберемся.

Завуч всмотрелся в грязное лицо.

– Я что-то не узнаю его, хотя, когда алкаши насвинячатся, то становятся очень похожи друг на друга. Ты что, его узнала? – ухмыльнулся он, глядя на физичку, явно намекая на ее темное прошлое.

Та решила поступить с ним так же, как недавно поступила с одним наглым пауком, которого застала на нужном ей классном журнале. Мария

Станиславовна смерила его взглядом и спокойно дождалась, когда тот быстро уползет плести паутину в каком-нибудь другом месте. К сожалению, Антон Валерьевич никуда не уполз, но неуместные шуточки прекратились.

Алеша взвалил на себя мычащего незнакомца, мысленно попрощавшись со своим новеньким костюмом.

– Почему вы не хотите обратиться в полицию? Пусть они разбираются, – не унимался Антон Валерьевич.

– Да, разберутся, кирпичом по башке, – проворчал Алексей Юрьевич и нетвердой походкой направился в сторону своего дома.

Физичка подобрала промокшую в луже небольшую сумку, видимо, принадлежавшую пьяному, и отправилась за ним. Но внезапно остановилась и попросила бывшую подругу позвать к ним Екатерину Борисовну.

Глава 3

– Ым-мым-муу, – раздавалось над ухом Алеши.

– Как тебя зовут-то? – попытался он наладить беседу.

Но неожиданно за него ответила Мария Станиславовна:

– Светлов Юрий Юрьевич, 25 лет.

От удивления Алеша чуть было не развернулся на 180 градусов, чтобы взглянуть на физичку, но ему помешала тяжесть тела, которая все ниже и ниже клонила его к земле.

- Вы что, правда, его знаете? - выдавил он из себя.

- Когда мы его отмоем, то сравним с фотографией в паспорте, который я нашла в сумке.

До дома оставалось несколько метров, но сил у филолога хватало только на пару миллиметров. И, конечно, помог очередной камень, который внезапно возник на пути, и лужа, которая смягчила падение. Послышался всплеск, и через несколько секунд уже было сложно отличить одного Юрьевича от другого.

- Алеш, у меня же носилки были в кабинете! - раздался долгожданный голос Кати, которая, признаться, еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос.

- Он сам виноват, что лишил себя чистой одежды, - ворчал филолог, выбираясь из-под нового знакомого.

Но, судя по всему, Светлову Юрию Юрьевичу очень понравилась эта лужа. Он поудобнее улегся на правый бок и подложил руку под голову, продолжая что-то мычать.

- Ба, да он чувствует себя как дома! Может, оставим его здесь? - предложила школьная медсестра.

Но вскоре всем захотелось домой. Начал накрапывать дождик и завывать ветер. Троица спасателей моментально активизировалась, и наконец, втащила грязного незнакомца в комнату Алеши. Филолог порадовался, что все внимание поглотил Юрий Юрьевич, а не его пара мятых рубашек некстати свалившихся со стула, и не стопка книг, съехавшая со стола на табурет и вчерашний недоеденный бутерброд, и не пара клубов пыли, которые выкатились из-под стола не то встречать гостей, не то от сквозняка. В общем, учитель был рад, что в центре внимания был пьяный незнакомец, а не его вечно неубранная комната. В данный момент, тот лежал на полу под оценивающими взглядами учителей физики, физкультуры и литературы.

– Как вы думаете, его надо вначале помыть, а потом раздеть или наоборот? – несколько испуганно осведомился Алеша.

Катерина деловито взяла все в свои руки.

– Принеси какой-нибудь мешок для его одежды, а ты, Маш, ставь греть воду, – распорядилась она.

Филолог вначале непонимающе обернулся в поисках «Маш», не сразу сообразив, что так была названа великая и ужасная Мария Станиславовна, а потом отправился на поиски большого и ненужного пакета.

Вскоре Юрия Юрьевича Светлова запихали в ванну-корыто, которое обычно использовал Алеша, так как терпеть не мог бань. По какому-то странному стечению обстоятельств бани в его сознании всегда отождествлялись с праздными жирными взрослыми, которые ради сомнительного удовольствия побить друг друга вениками могли наплевать на нужды родных и близких, послав их подальше, мотивировав свою занятость Банным Днем. Как говорил кто-то из них: «Хоть потоп, но по пятницам – баня», чем повергал в ужас впечатлительного Алешу. А вдруг и правда потоп, война или банальный грипп у близкого человека? Так вот, пришлось занять себе ванну, которая хотя бы отчасти напоминала цивилизацию.

Даже третье ведро воды не смогло окончательно отрезвить их нового знакомого, который, попытался тут же утопиться.

- Эй! Да погоди ты! - выудил его голову из воды филолог.

- Почему вы не оставите меня в покое? - вдруг членораздельно произнес Юрий.

- С добрым утром, - поприветствовала его Катя.

- Где моя одежда?

- В помойке, - успокоила его Мария Станиславовна.

- Где я?

- Если мы скажем, что в Верхних Ямках, тебе это что-нибудь прояснит? - поинтересовалась Катя.

- В Верхних Ямках, - медленно произнес Юрий, словно пытаюсь расшифровать данное словосочетание, и снова попытался утопиться.

Катерина Борисовна пожертвовала немного нуждающуюся в ремонте кушетку, которую определили в комнате Алеши для Юрия Юрьевича Светлова. Тот решил проспать сутки, прежде чем вступить в новый неизвестный еще мир. Когда это все-таки произошло, филолог готовился к очередному уроку, откладывая, как

всегда, на последнее проверку так называемых сочинений. Хотя, как показывала практика, их можно было проверять не так уж внимательно. Обнаружить пять ошибок (что получалось сразу же, без всякого искания), и со спокойной душой поставить два-два, предварительно подчеркнув волнистой линией неудобоваримое, неизвестного происхождения написание, адаптированное под русский язык. Именно в этот момент рисования волнистых линий, который чем-то даже завораживал и отвлекал от сути чудовищной проблемы, послышался скрип полусломанной кушетки. Алеша внутренне сжался и помолился про себя, чтобы она все-таки не развалилась.

- Добрый день, - раздался испуганный потусторонний голос.

- Добрый вечер, - поправил его филолог.

- Где я?

- Как мы уже говорили - в Верхних Ямках.

- Вы? - Юрий испуганно заозирался по сторонам.

- Да, я и еще пара симпатичных женщин.

- Господи, Боже мой, - прошептал новичок.

Алеша еле сдержался, чтобы не сказать какую-нибудь гадость.

– Как я здесь оказался? В Верхних Ямках.

Как было понятно из неуверенного тона – название деревни повергало его в легкой шок, и не позволяло уточнить, что значит это таинственное словосочетание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/moskvitina_alena/pervye-uroki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)